

Левшин Василий Алексеевич

Утренники влюбленного

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Алексеевич Л.**
Утренники влюбленного / Левшин Василий Алексеевич – М.: Книга по Тре-
бованию, 2022. – 70 с.

ISBN 978-5-519-92862-5

ISBN 978-5-519-92862-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

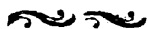

УТРЕННИКИ В ЛЮБЛЕННАГО.

Утро перцое.

Природа! перестань хоть тыг соеди-
няться съ судьбиною несчастнаго,
чтобъ опинимать единственное утѣше-
ніе, кое могъ я обрѣсти въ сладкомъ
снѣ. Уже пятнадцать дней, какъ раз-
стался я съ моею любезной Увы!
горестное время, измѣренное моими му-
ченіями! Сія первая ночь до-
ставившая упокоеніе спирадающему серд-
цу. Вчера, когда замолкъ шумъ жи-
вущихъ въ семъ градѣ, когда смершныя
по дневныхъ трудахъ предались покою;
одинъ я онаго не находилъ. Тишина и
уединеніе, привели меня въ задумчи-
вость толь пріятную для чувствъ за-
нятыхъ любовію Болѣзненное

упіѣшеніе! Воображеніе о разлу-
кѣ, провождаемое тяжкими воздыха-
ніями, просперло меня на моей постелѣ,
чтобъ дать свободное теченіе лію-
щимся слезамъ. Удовлетворенная тѣмъ
печаль моя влекла помалѣу чувства ко
ослабленію, и сладкой сонъ остановилъ
источникъ орошавшій мои глаза. Одна
душа, часть нашего безсмертія, бодр-
ствующая и во время изнеможенія на-
шего тѣла, наполненная иѣжными воспо-
минаніями упражнялась помышлять еще
о любви, и представила мнѣ прелестнѣй-
шее мечтаніе. Я видѣлъ себя прибли-
женного къ жилищу моей любезной, и
желаю свиданіе сдѣлать пріятнѣйшимъ
внезапностію, входилъ съ иррепещущимъ
отъ радости и любви сердцемъ въ ея
спальню. Пламененные мои взоры про-
бѣгаютъ по всѣмъ угламъ, ищутъ и
останавливаются на дражайшей. Они ви-
дятъ ее страдающую; горестъ разлу-
ки разсыпана на прекрасномъ лицѣ ея.
Сидящая на софѣ, поддерживаетъ голо-
ву одною изъ бѣлѣйшихъ сѣга рукъ,
а другая разкрываетъ портретъ мой,
находящійся въ карманномъ туалетѣ.
Она взираетъ на оный томными очами.
Грудь ея вздымается, и высылаетъ сквозь
розо-

розовыя уста тяжкой вздохъ , съ ко-
имъ излетаетъ мое имя. Любезной мой!
вѣщаетъ она , долголь еще спрадать
мнѣ съ тобою въ разлукѣ? Я возвра-
щенъ тебѣ , вскричалъ я , простирая къ
ней мои объятія ; она заключаетъ ме-
ня въ свои. Восторгъ пресѣкаетъ
слова ; мы пребываемъ безмолвны ; одни
біющіяся сердца , и исторгаемыя радос-
тію слезы , свидѣтельствуютъ наше
щастіе. — Но ахъ ! пріятное мечта-
ніе , ты прерываешься : благополучная
ночь и сладкой сонъ проходятъ. Все-
мірное свѣтило простираетъ горящія
лучи свои въ горизонтъ. Они освѣща-
ютъ лице мое , и пробуждая меня , по-
вергаютъ въ опчаяніе. Любезная моя
скрывается отъ глазъ моихъ : я ловлю
ее , силюсь удержать сіе дражайшее
привидѣніе ; она удаляется на легкихъ
крылахъ сна. Объятія мои спановятся
пусты , и пролитыя отъ радости сле-
зы , обращаются въ потоки горести.
Я прихожу въ себя , но для того толь-
ко , чтобъ чувствовать , что я несчастливъ.
О ночь ! пріятнѣйшая ночь ! ты про-
шла скоро ! Для чего не вопрошивилась
ты законамъ естества , чтобъ удер-
жать владычество свое ко отвращенію

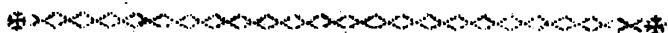
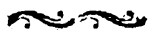

немилосердаго солнечнаго свѣта, лишившаго меня восхитительной мечты, лишившаго меня вновь моей дражайшей? Любовь! ты весьма дорого продаешь свои утѣхи! Минутное увеселеніе, послѣдуемо безконечнымъ спраданіемъ. Для чего я не на все время разлуки лишень чувствъ моихъ? Въ семъ смертномъ забвеніи, я не ощущалъ бы бытія моего, злочастіе не терзало бы память мою воображеніемъ того, чего я лишился, и безъ чего жизнь моя есть собраніе однихъ горестей; я представлялъ бы одно каменное подобіе чловѣка, терзаемаго нещастіемъ — Но ахъ! я живу. . . . я чувствую. . . . Любезной образъ, изображеніе носимое въ душѣ моей, предстоитъ всегда глазамъ моимъ; я надѣюсь видѣть ее и наяву предъ собою. Страждущее мое сердце находитъ нѣкое удовольствіе, ослѣплятъ себя симъ сладкимъ привидѣніемъ. . . . Но я живу: если можно назвать жизнью дни провождаемые въ степеніи. Я живу, чтобъ различать напаснь отъ щастія. Я чувствую, чтобъ узнавать обманъ, представляемой моею любовію, и быть нещастнымъ. О предѣль! когда окончается цѣль моихъ мученій? . . .

Когда удовлетворишь ты сердцамъ ,
побою соединеннымъ ; когда скончается
разлука ихъ раздирающая? . . . , Смя-
чатъ ли тебя наши воздыханія , и слезы
погасятъ ли пламень твоей жестокости?

А ты , коей на вѣки подвластно
мое сердце , съ кою сообщены дни мои ,
и безъ коей не существуетъ бытіе мое ,
о ты , моя любезная ! когда пужишь ,
меня не видя ; знай , что несчастной на
каждой вздохъ твой отвѣтствуетъ
болѣзненнымъ стenanіемъ . Если слезы
орошаютъ прелестныя глаза твои ; вѣрь ,
что мои соединяютъ къ нимъ источни-
ки . Если время твое провождается
скукою ; то мое наполнено отчаяніемъ .
При тебѣ осталось все , что я имѣлъ
лучшаго : спокойство , радость ,
и словомъ все , что могло подѣять на
утѣшеніе . Я смущенъ , сраженъ и ни-
чего нѣтъ въ моей памяти , кромѣ дра-
жайшаго твоего образа . Смятенныя сло-
ва мои не произносятъ кромѣ твоего
имени . И я не знаю , что я , коль нѣтъ
тебя со мною . Прими горестное сіе
начертаніе , посвящаемое любви моей ,
которая хотя подъ властію смерти
сойдетъ во гробъ мой , но жить бу-
детъ въ пылающемъ моемъ сердцѣ .

Утро второе.

Пріятный весенній воздухъ оживотворяетъ уже все, что хладная зима подвергала нечувствію. Зефиръ лобзаетъ произведенія своей дражайшей Флоры. Они возбуждаются и растутъ сплешая свои вѣтки. Ручьи стремятся съ горъ, и соединяясь журчатъ вмѣстѣ. Птички нѣжностію пѣнія призываютъ своихъ подружекъ. Все кажется любовью щастливую; одинъ я не имѣю оправды въ моихъ страданіяхъ. О любовь! не довольноль играла ты моимъ сердцемъ, зарязя его страстію безнадежною? Два года вздыхалъ я для одного только отчаянія; прелесная моя мучительница презирала всѣ мои стenanія. Тщетно спиралась грудь отъ вздоховъ; она отъ вращала глаза свои отъ моего унынія. Я представлялъ тѣнь, или такое тѣло, какое душа готовилась оставить съ каждымъ дохновеніемъ. Но что я вижу тебя? ты спократно наградила мои горести: любезная моя зжалилась, отъвѣстствуетъ моей горячности, и сообщая судьбу свою съ моею, желаетъ имѣть

имѣть со мною одну жизнь и одну душу. Не довольноль сего дня благополучія оставшихъ дней моихъ? Прекрасныя уста ея изрекли уже клятву: любовь стала наше желаніе, а вѣрность законъ взаимнаго блаженства. Пріятное воспоминаніе! щастливая минута не стоишь ли ты столѣтняго мученія! Когда я прешагчаемъ страстію, дозволялъ уже торжеспизоватьъ опчаянію надъ моимъ разумомъ; когда въ послѣднія предъ ея ногами вѣщаль я скорбь мою: ждалъ ли я тогда кромѣ ея всегдашней холодности, и желалъ ли кромѣ смерти? Я чаялъ въ послѣднія лобзать прекрасную и жестокою ея руку опнимающую жизнь мою. Но о любовь! ты нечувствительное сердце наполнила жалостію. Гордость на прелестныхъ чертахъ ея премѣнилась въ смущеніе, а жалость произвела любовь жесточайшую. Живи, чтобъ я жила, сказала она, простирая ко мнѣ свои объятія. Какой щастливой оброть! Я забылъ всѣ мои скорби; они исчезли предъ тѣмъ воспоргомъ, съ которымъ любовь сообщила мнѣ тысячи утѣхъ. Я не зналъ кромѣ радости, и не жилъ, какъ для моей любезной — но пріятное время миновалось. Оно про

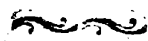

бѣжало, какъ сонъ, предавъ меня новому роду горести; я разлучился съ дражайшею. Слѣдующіе ея очи провожали меня удаляющагося безъ памяти. Чувства мои возвратились, чтобъ перзати печальное мое сердце. Оно порывалось къ ней, но судьба вела меня прочь. Любезная! . . . гдѣ ты? . . . куда ты скрылась? . . . тебя нѣтъ со мною, могуль я жить? . . . всѣ мѣста пусты. Тщешно ищущъ тебя плачевныя взеры; сердце мое посылаетъ ихъ искать тебя по всѣмъ дредмѣнамъ. . . Тебя нѣтъ здѣсь, . . . Они нигдѣ не останавливаются, и возвращаются до полнишь ужасъ спраждающей души, они говорятъ гласомъ любви, нѣтъ твоей любезной! . . . О вѣсть страшная! нѣтъ моей любезной! . . . Свирѣпыя, можетель вы мнѣ вѣщаютъ сіе; или не знаете вы, что сіе для меня ударъ сильнѣйшій грома! Могуль я жить безъ ней? Когда прекратятся мои стenanія? скоро ли увижусь я съ моей дражайшею? Судьба, скороль возвратишь ты меня ея объятіямъ? Умѣрь свою суровость, зжался надъ несчастнымъ. Отдай меня моей любезной, отдай мнѣ жизнь мою, кою дашъ мнѣ чувствовать одно
ся

ея пріятное дыханіе. Безъ ней не ощущаю я бытія моего, безъ ней дни мои наказаніе, часы повтореніе мученія, а минуты изчисленіе слезъ и вздоховъ. Не выдавъ ее двѣ недѣли я живъ еще! Возможно ли? Измученное мое тѣло удерживаетъ еще духъ мой! . . . Я живъ! душа живетъ еще въ бѣдномъ тѣлѣ! Какое заблужденіе! Во мнѣ нѣтъ ничего жизненнаго, кромѣ пылающаго сердца; но и то въ рукахъ у моей любезной; слѣдственно памѣ и душа моя; а здѣсь со мною ничего, выключая безлѣзненныхъ вздохи, грусти и мученія. Ноги мои носятъ ужасное изображеніе любви несчастныхъ. Вопѣ видѣ мой, вопѣ картина любовника не считающаго ничего за щастіе, какъ быть неразлучну съ тою, которая на вѣкъ вспламенила его душу.

О какъ медлѣнно текутъ часы въ разлукѣ! Годъ проведенной съ моею любезною былъ минута сладкаго восхищенія; а сіи двѣ недѣли, сіи двѣ ужасныя недѣли, кажутся мнѣ вѣкомъ, или еще больше, нежели та бездна пространства времени, въ коей теряется память нашего бытія. Щастливъ бы я былъ, еслибъ не имѣлъ чувствъ, ни
па-

памяти; но я ношу всегда въ глазахъ прелестной образъ моей дражайшей, и горестное воспоминаніе о разлукѣ. Любезная моя, естли ты живешь еще, Ахъ! что я говорю? Она должна жить; языкъ не произноси словъ полъ страшныхъ и немогущихъ исполниться. Она должна жить, когда я еще не умеръ; а души такъ крѣпко соединенныя, возможноль, чтобъ не въ одинъ часъ, и не вмѣстѣ пошли въ вѣчность. Любезная! печальная моя любезная, воспоминающа нещастнаго своего плѣнника, старайся сохранять свое здоровье, полъ нужное для послѣднихъ дней нашихъ; храни его, умѣряя грусть твою, и поддерживай слабость моего увѣдомленіемъ о себѣ. Естли получу я сіе радостное извѣстіе, естли рука твоя извѣститъ меня, что ты благополучна; сіе пріятное писаніе приклеится ко устами моимъ. Его будетъ читать страстное тобою сердце съ нѣжными препетаніемъ. Оно оживитъ умирающія мои чувства. Прости! говоря такъ съ тобою заочно, нахожу я сладкую отраду сказать тебѣ чрезъ пространство мѣстъ насъ раздѣляющее, что безъ тебя я ни щастливъ, ни покоенъ никогда не буду.

Утра